

Иван Александрович Щёлоков родился в 1956 году в селе Красный Лог Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Многие годы отдал журналистике и государственной службе в сфере печати. Автор пятнадцати книг и многочисленных публикаций в литературных журналах. Лауреат премии ЦФО в области культуры и искусства, а также ряда международных и всероссийских литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Председатель Воронежского отделения Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Иван Щёлоков

СЕРДЦЕ-КОЛОКОЛ

(Журнал и его главный редактор
Иван Евсеенко на сломе веков)

Мое знакомство с Иваном Ивановичем Евсеенко растянулось на многие годы. Будто бы вызревало, подготавливалось к чему-то большему, чем сиюминутно-конъюнктурные контакты. У меня, журналиста-газетчика из «Молодого коммунара» и начинающего стихотворца, в те далекие 80-е годы не было надобности знакомиться с «подъемовским» прозаиком. Я достаточно часто общался с его коллегами, поэтами старшего поколения — В.В. Будаковым, Е.Г. Новичихиным, С.Н. Никулиным, А.А. Ионкиным, В.И. Самойловым, а также с критиком В.В. Семеновым, по просьбе которого даже готовил литературно-критические статьи о поэзии Юрия Кузнецова и тамбовского прозаика Виктора Герасина. Писатели были авторами «молодежки», регулярно приносили в газету свои стихи или статьи. В свою очередь, я тоже изредка заглядывал в «Подъём». Возможно, кто-то из этих старших товарищей и знакомил меня тогда с И.И. Евсеенко. Помню сумрачное помещение, в котором за письменным столом с горкой бумаг сидел крупный, крепко сложенный физически, бородатый мужик, острый на язык, готовый в любой момент правду-матку рубануть. К такому, казалось мне, запросто не подойдешь, не протянешь с робостью начинающего автора тетрадку со стихиками из опасений услышать в ответ жесткое откровение о своих опусах.

Тем не менее, мое плавное погружение в атмосферу «Подъёма» уже началось. В февральском номере журнала за 1986 год вышла моя первая публикация. Она никакого отношения к поэзии не имела. Это был очерк «Сто дорог к дому» с характерным для советских времен подзаголовком «Об Анатолии Ивановиче Петренко, председателе колхоза “40 лет Октября” Острогожского района Воронежской области». Да и появился материал не по моей инициативе, а при настойчивой просьбе Валерия Михайловича Барабашова, заведовавшего тогда в «Подъёме» публицистикой. Был год очередного съезда КПСС, в прессе, на телевидении и радио требовались публикации про молодежные производственные коллективы и их локальные экономические показатели. Профанация, конечно, была полная: экономика и есть экономика, она не может быть половозрастной или еще какой-либо. Но партия сказала: надо! Вот мы, журналисты «молодежки», и выискивали по области адреса коллективов, где по возрасту трудились как бы комсомольцы, а значит, их экономика должна была отличаться от всей остальной, «взрослой» экономики, своей нравственной чистотой, крепким общественным здоровьем и историческим оптимизмом. Так что про молодежные производственные коллективы в аграрном и промышленном производстве я писал часто и много. Даже когда перестал заведовать отделом рабочей и сельской молодежи и перешел на место ответственного секретаря редакции, мой блокнот по-прежнему был набит именами земляков — трактористов, комбайнеров, слесарей, токарей, агрономов, инженеров, руководителей колхозов, совхозов, строительных и промышленных предприятий, а также множеством интересовавших газету событий, сведений и фактов. Со многими героями своих статей и очерков я по-прежнему поддерживал дружеские контакты и потому был в курсе их трудовой и общественной деятельности. На этом В.М. Барабашов, видимо, и сыграл.

— Ваня, — спросил он по телефону, — а у вас не найдется для «Подъёма» что-нибудь про комсомольско-молодежные коллективы?

— Совсем новенького не найдется, — признался я честно.

— Это ничего. Главное, ваши герои живы-здоровы, делом своим занимаются, — заметил он, выстраивая логику соблазнения. — В основе их работы лежит экономика, эффективность труда. Вы же цифрами апеллировали наверняка, когда про ребят писали. Что-то с чем-то сравнивали, делали выводы...

— Ну да, безусловно, — соглашался я.

— А не могли бы вы поразмышлять для журнала над темой молодежных коллективов, над экономикой производственных бригад, звеньев, хозяйств? — поинтересовался он. — Проще говоря, переделать свои прошлые газетные материалы на размышления автора под формат «толстого» журнала. Сами понимаете, это ведь не газета. Здесь все должно быть объемно, аргументированно, глубоко по смыслу, с расчетом на интерес читателя, который проживает в разных уголках страны... Можно, например, раскрыть тему через портрет современного молодого руководителя: его стиль, подход к делу, увлеченность, профессионализм... Почувствуйте себя писателем!

И я рискнул, согласился «поразмышлять» для «Подъёма».

А вскоре и еще раз...

Уже в седьмом номере за все тот же 1986 год был опубликован мой новый материал «Владелец волчьих тайн», в котором я рассказывал о замечательном воронежском ученом Льве Серафимовиче Рябове. Он был признанным в стране специалистом-волчатником. Посвятил изучению поведения и привычек этого таинственного зверя всю свою жизнь. Заведовал заповедником на Кавказе, затем трудился в Хоперском заповеднике, а впоследствии преподавал в Воронежском государственном университете.

В 1988 году, в мартовском номере, была напечатана даже такая экзотическая по форме и конъюнктурная по содержанию вещица, как публицистически обработанная запись прямой телефонной линии. Она так и называлась — «Диалог. О диалоге

райкома комсомола с молодежью Эргильского района». Новый жанр входил в моду, и мода, как видим, добралась и до «толстых» журналов.

Зато в 1990 году журнал впервые (и похвастаюсь: дважды!) напечатал мои стихи — в пятом и девятом номерах. Это и был, можно сказать, мой волшебный случай закрепиться в «Подъёме» уже как автору поэтических произведений, чему в немалой степени способствовали главный редактор Е.Г. Новичихин и заведующий отделом поэзии С.Н. Никулин. К тому сроку я уже почти три года руководил газетой «Молодой коммунар». С Иваном Ивановичем Евсеенко наши контакты оставались примерно такими же — эпизодическими. Но мне уже казалось, что теперь

Иван Евсеенко

он на меня смотрит с более дружеским расположением и как на молодого коллегу. Иногда это давало нам повод за недолгими разговорами о насущном в жизни и русской литературе пропустить рюмочку водки в очень узком кругу.

1991 год стал для меня во многих смыслах определяющим. Страна с горбачевскими реформами окончательно катилась в пропасть. В августе случился путч, названный ГКЧП. Ощущение тревоги и возможной трагедии буквально витали в обществе. Все это не могло не повлиять на содержание моих стихов, на эмоционально-публицистический строй молодых и горячих строк. Я писал много и лихорадочно, стихи складывал в красную папку на завязках, которую бережно хранил в нижнем ящике большого редакторского стола, лишь единожды позволив себе напечатать из нее в родном «Молодом коммунаре» лирико-публицистический цикл «Звезда Водолея».

И вот в такие послепутчевские тревожные мгновения ко мне неожиданно заглянул поэт Виктор Самойлов, стихи которого регулярно публиковали в газете. Мы были знакомы давно — еще с середины 70-х годов прошлого века. По пригласению моего бывшего школьного учителя Анатолия Петровича Гатицкого, работавшего в те годы в новоусманской районной газете «Путь Ленина» заведующим отделом, я, студент-филолог, иногда ездил из Воронежа на заседания литобъединения в местную редакцию. Виктор Иванович Самойлов постоянно участвовал в работе поэтического клуба, можно сказать, был наставником. С тех пор он с интересом следил за моими стихотворными опытами.

Во время разговора Виктор Иванович поинтересовался:

— Скажи, продолжаешь писать?

Я утвердительно кивнул.

— Можешь показать? — вежливо попросил он.

— Да вон, в папке, в столе, — открыл я нижний ящик и вытащил пухлую красную папку с завязками.

— Позволишь с собой взять? Хочу почитать...

— Нет вопросов — берите!

За редакционной суетой я тут же забыл про отданную Самойлову папку.

Недели через две или три звонит мне поэт Анатолий Ионкин и чуть не благим матом кричит в телефонную трубку:

— Да как ты мог... скрывать от меня... лучшего поэта Воронежа... Я, Витя Самой-

лов и Валька Семенов... уже написали рекомендации... на издание твоего сборника... Приезжай срочно на Плехановскую, 3 (там до 2006 года, как и журнал «Подъём», размещалась Воронежская областная писательская организация. — *Прим. авт.*)... забирай... и к Толику Свиридову... пусть ставит в план издательства... А сам рукопись готовь... Мы отметили стихи, какие нам понравились... У всех по-разному... А ты отбери, что самому нравится... Не слушай нас, старых дураков...

В советское время молодой автор без рекомендаций членов Союза писателей СССР не мог издать свою книгу. Такова была повсеместная практика. И в этом был резон — халтура и откровенная графомания не прокатывали и не просачивались к читателям.

Анатолий Николаевич Свиридов, директор Центрально-Черноземного книжного издательства, белло пробежал по рекомендациям, согласился издать сборник моих стихотворений. Пригласил к себе Людмилу Петровну Бахареву и попросил ее быть редактором моей книжки. По договору сборник планировали выпустить тиражом две тысячи экземпляров, а также выплатить гонорар в размере пяти тысяч рублей. От такой суммы у меня чуть не закружилась голова: как редактор «молодежки» я получал 800 рублей в месяц. Весь остаток года ушел на подготовку рукописи. Правил и перedelывал стихи под жестким руководством Л.П. Бахаревой. «А эту фигню выброси!» — ворчала она, тыкая в текст не нравившегося ей стихотворения указательным и средним пальцами, которые одновременно крепко удерживали дымившуюся «беломорину». За это время рухнул Советский Союз, а уже 8 января 1992 года я был утвержден на должность председателя комитета по печати и информации администрации области. В апреле рукопись сдала в набор и только в декабре — в печать. А.Н. Свиридов накануне позвонил мне, извинился за обстоятельность и огоршил: дела в издательстве неважнецкие, сборник выйдет на газетной бумаге тиражом в одну тысячу экземпляров, а с обещанным гонораром вообще не получится — нет денег. В начале 1993 года я получил авторские экземпляры отпечатанного тиража и радовался, как ребенок, забыв про злополучный гонорар. Первым делом сбежал в журнал «Подъём» и писательскую организацию и подарил книжку почти всем, кто там был. Некоторые писатели вскоре стали предлагать мне вступить в Союз. Я очень долго колебался. Останавливало сомнение, что вдруг не оправдаю ожиданий рекомендуемых и самого себя: сегодня пишу, а завтра, мало ли что, брошу, не смогу... Забегая вперед, признаюсь: тяготины со вступлением-невступлением тянулась аж до 1997 года. В конце концов, я внутренне созрел к такому ответственному для себя шагу. Приемная комиссия в Москве подтвердила решение собрания воронежской писательской организации по моей кандидатуре, и вскоре мне вручили писательский билет за подписью самого С.В. Михалкова.

В январе 1993 года Е.Г. Новичихин перешел на должность директора литературного музея имени И.С. Никитина. Наступили трудные времена для «Подъёма». Вулканические страсти в коллективе бушевали несколько лет. Журнал, оформленный в статусе малого предприятия, стал банкротом, фискальные органы готовили его закрытие. Но тут вновь и вовремя на выручку пришел Евгений Григорьевич. Это был 1997 год. Е.Г. Новичихин возглавлял комитет по культуре администрации области. Он обратился за помощью к главе администрации Воронежской области Ивану Михайловичу Шабанову. Тот откликнулся на просьбу писателей. Было подписано распоряжение о создании на базе журнала «Подъём» государственного учреждения культуры с финансированием из областного бюджета. Директором учреждения комитет по культуре назначил А.А. Голубева, а главным редактором — И.И. Евсеенко.

Так началась другая жизнь и у журнала «Подъём», и у его нового главного редактора и талантливого прозаика И. И. Евсеенко.

С того же времени, можно сказать, начинается и новый этап моего сближения с Иваном Ивановичем.

Весной 1998 года глава администрации области И.М. Шабанов встретался с руко-

водителями областных и районных газет, радио и телевидения, собственными корреспондентами центральных газет, издателями. Участники встречи, не стовариваясь, в один голос стали просить его учредить премию по журналистике и книгоизданию. Заодно прозвучало предложение помочь со стороны власти в выпуске книг воронежских писателей. Иван Михайлович охотно поддержал обе идеи. Областной премией и книгоиздательской программой поручили заниматься непосредственно мне как председателю комитета по делам СМИ и полиграфии. Мы создали при нашем комитете областной совет по книгоизданию. В него вошли чиновники некоторых ведомств, а также издатели, ученые, библиотекари, писатели, краеведы. В начале нулевых годов совет пополнился кандидатурой Ивана Ивановича Евсеенко. Писатель сразу стал одной из ключевых фигур в общественной структуре. Во-первых, как главный редактор он находился в гуще российского литературного процесса, обладал широким кругозором в мире словесности, хорошо знал воронежских писателей и мог оценить степень талантности каждого из них. Во-вторых, имел четкую, порой даже жесткую позицию по месту и роли русской литературы в жизни народа и истории страны в разные ее периоды. А желающих потоптаться и попиариться, выражаясь современным языком, на этой щекотливой теме было предостаточно. В-третьих, сам он был ярким, узнаваемым прозаиком в современной русской литературе. Прозу писателя охотно публиковали столичные «толстые» журналы. Он получал престижные литературные премии. Мнение И.И. Евсеенко было весомо, авторитетно и на страницах местных и центральных газет, в которых он довольно часто выступал с публицистическими статьями. Иметь в совете по книгоизданию неустрашимого борца с фальшью и бездарностью было полезно, выгодно и продуктивно. С таким именем, как И.И. Евсеенко, нам легче было сопротивляться графоманам всех мастей. А многие из них нагло обивали пороги комитета по делам СМИ и полиграфии: творцов невиданных доселе «шедевров» ой как манила бюджетная халява! Выступления Ивана Ивановича на заседаниях совета всегда отличались самобытностью. Они были нередко категоричны и бескомпромиссны. Не всем нравилось. Не со всеми его высказываниями соглашался и я. А главное, у меня уже было понимание: издание книг местных авторов редко когда обходится без интриг и обид.

Кстати, членам совета по книгоизданию не запрещалось подавать заявки и на выпуск личных книг. При этом вводились ограничения по срокам, чтобы не было соблазна издаваться ежегодно или через раз.

За десять лет моего кураторства над книгоиздательской программой Иван Иванович воспользовался этим правом единственный раз. В 2008 году вышла книга его повестей и рассказов «Пока печалются колокола» — внушительный по объему сборник.

Извечная головная боль для чиновника — дефицит свободного времени, и тем не менее, евсеенковские «Колокола...» не отпускали, очень хотелось почитать. В чем причина, я до сих пор не понимаю. Может, ностальгировало студенческое: помните, Хемингуэй, его знаменитый роман «По ком звонит колокол»... А тут вот и у Евсеенко — тоже колокол, верней, колокола. И пусть они не звонят, а печалются, но велика ли разница! И в одном, и в другом случае — будто вечность сквозит. А что может быть для человека загадочнее, притягательнее! К постижению вечного каждый из нас идет всю свою жизнь в надежде прикоснуться к великой тайне бытия. В 80-е годы минувшего века я уже пытался читать прозу Ивана Евсеенко на страницах «Подъёма». Но, если честно, не легло, не забрало. Наверное, препятствовали литературные авторитеты — Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Борис Можжаев, очеркист Иван Васильев и другие писатели-деревенщики. Мне казалось, сказать что-то новое в этой теме уже не получится, да и деревня, та милая советская деревня, почти вымерла. Конечно же, по молодости я ошибался. А понял это позже, когда в 2011 году познакомился с Борисом Екимовым, кто уже в новой российской действительности заставил обратить на себя взор читателей и критики как на блестящего прозаика, пи-

шущего на современные деревенские темы... И вот прошло два десятка лет, и вдруг — колокола, которые почему-то печалятся. С «Колоколов...» я и начал заново открывать для себя прозу И.И. Евсеенко. Потом были «Ветряные мельницы», далее — «Сарабанда», «Седьмая картина», «Смертный час», «Фатерланд»... Ощущение было — нет, не восторга, скорей ошеломления. Я проглатывал страницу за страницей — что-то необъяснимое волновало, беспокоило, совестило, мучило. И было стыдно, горько — за себя, за героев этой книги: они по воле писателя приходили к тебе и приоткрывали правду, которую ты просто не знал, или не понимал, или обходил ее стороной. Писатель как бы сигнализировал: мы, русские люди, теряем себя, теряем страну. Поклоняемся чужим идолам. Суть подменяем фантиками либо упаковками из маркетов. Мы глумимся над своей историей, стесняемся ее. Наконец, мы привыкаем к духовной и моральной ущербности. В наши открытые, доверчивые души врываются коварные ветры с чужбины, чтоб остудить нас и обескровить...

В один из августовских дней 2008 года мне позвонил Иван Иванович и напросился в гости.

— Книгу надо обмыть, — вошел он в кабинет, спокойно выложил на приставной столик бутылку и снедь. — Не побрезгуй: все свое, — заметил он. — Сало сам солил, горилку лично гнал, как у нас на Черниговщине, картофель, овощи и зелень — с дачи, ну а яйца и хлеб, понятно, из магазина.

Я поначалу отнекивался: разгар рабочего дня, срочные дела, но в какой-то момент понял — важно не перейти черту, чтобы не обидеть.

— Ну, разве по рюмке за вашу чудесную книгу!

— Вот именно! По рюмке...

Рюмкой дело не ограничилось. Иван Иванович — собеседник глубокий, неторопливый. Говорили о жизни, литературе, политике, Боге и безбожии... За неспешной беседой два с лишним часа прошли как одно мгновение. И только пустая бутылка из-под самогона откровенно намекала, что пора бы и заканчивать.

Наутро голова моя была не совсем свежей, но задушевность вчерашней беседы перевешивала последствия небольшого похмелья. Это был наш первый большой разговор за все годы знакомства и без присутствия посторонних лиц. Наверное, он был важен для совестливой души И.И. Евсеенко, и таким образом он выразил благодарность за то, что я поддержал его книгу. Но еще важнее встреча оказалась для меня: она дала мне возможность почувствовать личность написавшего «Пока печалятся колокола», как говорится, вживую. Сомнения отпали: И.И. Евсеенко — большой самобытный русский прозаик, крупный мыслитель и личность. Его проза 90-х и последующих 2000-х годов вплоть до кончины — вершина творческого мастерства автора. Его писательское зрение в этот период обретает невероятную фантастическую пронизательность. Прозаик предчувствовал: в современном глобалистском мире мораль и ее «дети» — честь, достоинство, стыд, совесть — больше не ценность. Нравственное разложение в постмодернистском обществе — прямая дорога в пропасть. Пророческое сердце писателя стало для русской души, подвергшейся ужасающему цивилизационному вызову, вечным колоколом, чтобы, печалась, спасать. И до сих пор это сердце-колокол бьет в набат, тревожится и щемит, как и тогда, предупреждая о нарастающей беде.

А повод для подобных мыслей был. Уроженец сельской провинции Черниговской области Украины и патриот Воронежского края, И.И. Евсеенко всякий раз после очередного посещения малой родины возвращался в столицу Черноземья морально подавленным, духовно опустошенным. Что такого могло произойти там, где он родился, ходил в школу, имел друзей и близких, чтобы за считанные годы его дорогие земляки, как и большинство украинцев, стали жертвами чужих игр, утратили национальную и житейскую самоидентичность, заместили здравый смысл завистью, злобой и ненавистью? Может быть, еще и поэтому в последних повестях автора так много горечи и

обескураженности. В сюжетах произведений герои автора оказываются на родине отцов, но не находят себя там. Не просто так именно в эти годы писатель-реалист по своей природной сути И.И. Евсеенко прибегает к использованию в текстах фантазийных элементов, картин сновидений и необъяснимых разуму превращений, будто тень самого Гоголя в минуты творческих мук дежурила за спиной автора. Главные герои повестей автора испытывают пространственно-временную дезориентацию, теряют ощущение внутренней цельности, гражданской и социально-духовной востребованности. В поведении и поступках действующих лиц царят растерянность и душевная зыбкость.

Эти главенствующие интонации легко прочтываются в повестях и рассказах писателя «Пока печалятся колокола», «Сарабанда», «Раннюю зарю, вечернюю порою...», «Затаив дыхание», «Петр и Февронья», «Поющие пески», «Трясина», «Дмитриевская суббота» и многих других. Лично для меня эти, кстати, небольшие по объему лирико-философские произведения — самые что ни на есть повести-плачи, повести-сигналы, повести-предупреждения о подстерегающей нас беде. Их жанровые особенности, думается, наиболее удачно передают авторскую цель — говорить с читателем открыто и честно, как с Богом. И как тут не восхититься мастерством и философским символизмом автора, читая, например, повесть «Раннюю зарю, вечернюю порою...!» Образ живенького, радостного красавца-жеребенка — это же некая новая молодая страна, родившаяся на руинах Советского Союза. Для кого-то — Россия, для автора, возможно, — Украина. Не суть важно. Важно, что этот милый резвый жеребенок — людская надежда на возрождение. Но вот явились современные кровавые «конекрады» и лишили нас этой надежды... Или вспомним повесть «Трясина». Буренка, корова-молочница, кормившая семью, вдруг попадает в беду — топнет в болоте. Жители бегают, суетятся, ссорятся. Кругом хаос и растерянность. И никто в этой неразберихе не может вызволить бедное животное из трясины... Разве эта буренка — не метафора страны, тонущей в болоте воровства, продажности и духовной тщеты?

Вместе с автором мы проживаем минуты горечи и вопрошания: где же он, выход из всего сложившегося? Где Божий суд? Куда идти? На что, на кого опираться? Не в любовую, не плакатно, а через тончайшие художественно-психологические тропы своих сюжетов писатель, почти по Достоевскому, подводит нас к единственной в таких ситуациях логической необходимости — к нравственному самоочищению, обращению к своим родовым корням, вековой мудрости народа и предшествующих поколений. Хочешь освободиться от наносного, чужеродного — обустрой себя и окружающий мир по божьей справедливости и благоразумию, соедини общее и отдельное в одно неразрывное, единое, что и называется народом...

2009 год стал годом больших перемен. Иван Иванович получил престижную в российской писательской среде Шукшинскую премию. Я готовился к уходу с государственной службы — власть в области поменялась. После отставки мне предложили должность директора-главного редактора журнала «Подъём». О том, что И.И. Евсеенко здесь под запретом уже не один год, я узнал случайно и с нескрываемым удивлением. Сотрудники редакции с намеком кивали головами в сторону бывшего директора-главреда: это все, мол, его проделки. Немного разобравшись в текущих журнальных делах, я позвонил Ивану Ивановичу и предложил напечататься. По тончайшим нюансам короткого телефонного общения понял: он рад.

Так после долго молчания на страницах его родного «Подъёма», которому были отданы годы и годы работы и из которого в 2006 году его незаслуженно и насильственно выдворили в результате клеуз, сплетен и интриг, одна за другой появились повести автора: «Раннюю зарю, вечернюю порою...» (2011), «Затаив дыхание» (2012), «Петр и Февронья» (2013). В 2013 году И.И. Евсеенко стал лауреатом премии журнала «Подъём» «Родная речь» в номинации «Проза». К тому времени писателю уже нездоровилось. Он торопился: замыслов было много, а сил оставалось все меньше.

Примерно за год до своей кончины Иван Иванович пришел в редакцию. Присел на стул, достал папку и протянул ее мне:

— Оставь у себя, — попросил он. — Это — рукописи повестей и рассказов. Они не публиковались. Пусть будут у тебя, мало ли что...

— Не переживайте, Иван Иванович, все будет нормально.

Это была наша последняя встреча.

После смерти писателя все, что он оставил нам в папке в качестве своеобразного творческого завещания, решили обязательно опубликовать. Мнение было единодушное и у меня, и у моего заместителя Вячеслава Дмитриевича Лютого, и у ответственного секретаря Владимира Евгеньевича Новохатского, и у редактора прозы Виктора Николаевича Никитина, которым, к слову сказать, Иван Иванович гордился как своим лучшим учеником, а тот по праву почитал Евсеенко своим главным учителем.

Обещание, данное тогда себе, мы сдержали, ежегодно публикуя по одному произведению автора из оставленной им в редакции папки.

